

... ОГЛАВЛЕНИЕ ...

Глава 1. Возвращение из мертвых.....	5
Глава 2. Новый дом	14
Глава 3. Ночной голод.....	22
Глава 4. Вызов брошен	30
Глава 5. Документы и огурцы.....	40
Глава 6. Время и вода	48
Глава 7. Пыльные сокровища	56
Глава 8. Завещание.....	65
Глава 9. Утро	78
Глава 10. Вещественное доказательство	85
Глава 11. Советы.....	95
Глава 12. Меч и щит леди Эшворт.....	103
Глава 13. Миллбрук	112
Глава 14. Раунд за мной	121
Глава 15. Вести и планы	129
Глава 16. Путешествие	136
Глава 17. Хозяйка поместья.....	147
Глава 18. Мост и мельница	155
Глава 19. Откровенный разговор.....	163
Глава 20. Ужин.....	172
Глава 21. Проект «Мельница»	179
Глава 22. Компаньонка и пень.....	190
Глава 23. Проект.....	198
Глава 24. Берлинская лазурь	206
Глава 25. Больше, чем следовало.....	219
Глава 26. На рассвете.....	228
Глава 27. Невидимый враг.....	240
Глава 28. Протравы	251
Глава 29. Находка.....	260
Глава 30. Его светлость.....	272
Глава 31. Сделка	282
Глава 32. Долг	291
Глава 33. Незваная гостья.....	301
Глава 34. Предатели.....	310
Глава 35. По следу	319
Глава 36. Признания	328
Глава 37. Преображение.....	337
Эпилог.....	346

... ГЛАВА 1 ...

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ

Айрис

Я вынырнула из чернильного забвения резко, ловя ртом спасительный воздух.

Мне будто наотмашь заехали по лицу из темной пустоты безвременья, выбросив в мир ярких ощущений. И не скажу, что они были приятными.

Первым шибануло в нос тошнотворной смесью запахов гнили, нечистот, сырости, испорченных овощей, прогорклого масла, тухлой рыбы и перебродившего пива. Меня словно погрузили в выгребную яму.

Затем настиг звуковой шторм — скрип деревянных колес по неровному камню, крики торговцев, бляение животных и плач ребенка где-то вдалеке.

Но все это отошло на задний план, когда меня догнала боль... Болело все тело, даже зубы. Я лежала, прижавшись щекой к чему-то твердому и отвратительно липкому. Ладони чувствовали жидкую грязь, смешанную с органическими отходами, а промозглый холод пробирал до костей сквозь тонкую ткань... платья?

Платья?! Я никогда их не носила. Только практичные брюки, рубашки или рабочие комбинезоны.

Затылок мерзко пульсировал. Осторожно проведя рукой по волосам, нащупала болезненную шишку размером с перепелиное яйцо. Пальцы стали липкими от крови. Что же со мной случилось? Последнее, что помнила...

Дамба номер семь, ревизия после затяжных дождей. Трещина в бетоне. Я наклонилась, чтобы рассмотреть получше, и...

И что? Треск ломаемых костей, моих костей, мучительная боль, а после меня накрыла крошечная, ледяная пустота. И вот я очнулась неведомо где, в окружении удушающей вони и странных, непривычных слуху звуков.

С усилием разлепила веки. Мир предстал размытым пятном серых и коричневых тонов. Зрение было мутным, будто я смотрела сквозь грязное стекло. Понадобилось несколько бесконечных секунд, чтобы сфокусироваться.

Я находилась в узком переулке между зданием из грубо обтесанного камня. Никакого бетона, никакой стали, только камень, скрепленный глиной и известковым раствором. Стены, покрытые мхом и подтеками непонятных жидкостей, уходили вверх, оставляя лишь узкую полоску свинцового неба. Привычные звуки современного города — рычание автомобилей, шум кондиционеров и многое другое — напрочь отсутствовали. Только камень, грязь, запахи разложения и отдаленный гул множества голосов.

«Галлюцинация, — попыталась убедить себя я. — Сотрясение мозга. Это все ложные образы». Но логика резко возражала. Уровень детализации был слишком высок для бреда. Каждая трещина в камне, каждая капля влаги, каждый оттенок запаха — все

было реальным с той жестокой конкретностью, которую не способен создать поврежденный разум.

Опираясь на склизкую стену, с трудом поднялась. Ноги подкашивались не только от слабости, но и от странного ощущения, что они стали короче. Голова кружилась так, что мир превращался в смазанную карусель. Выровнявшись, прикрыла веки, заставила себя дышать медленно и глубоко. Воздух был тяжелым, он с трудом пропихивался в саднящую грудную клетку.

Успокоившись, снова открыла глаза, подняла руку, чтобы убрать упавшую на лицо прядь волос, и так и замерла, неверяще таращась на свою конечность.

Руки... мои руки были не моими!

Тонкие, с длинными, изящными пальцами вместо коротких пальцев-сосисок. Правда, привычные мне мозоли были на месте. На безымянном пальце левой руки красовалось серебряное колечко с каким-то гербом. Кольцо, которое я точно никогда не носила.

Боже, да что же такое со мной произошло? Верить в то, что я умерла, сверзившись с дамбы, и попала в чужое тело, вовсе не хотелось.

Когда головокружение отступило, я осторожно пошла к выходу из переулка, к источнику света и шума. Каждый шаг отдавался молотом в висках, но мне было нужно добраться до людей, попросить помощи. Кто-то знатно заехал мне по голове и прошелся ногами по ребрам. Срочно требовался врач, обследование...

Опираясь рукой о здание слева, вскоре достигла выхода из переулка, и то, что я увидела, окончательно разрушило мои попытки рационально все объяснить.

Это был город. Но не мой город и не один из тех, в которых я бывала.

Здания лепились друг к другу без всякой системы, кривые улицы вились между ними, как русла высохших рек. По булыжным мостовым с грохотом катились повозки, запряженные лошадьми. Настоящими лошадьми! Мужчины были одеты в длинные рубахи, мешковатые штаны, грубые башмаки; женщины — в широкие юбки, невнятного цвета блузы или в несуразные просторные платья; головы некоторых «украшали» жуткие серые чепцы.

Никаких джинсов, никаких кроссовок, никаких синтетических тканей. Люди сновали по улицам, выкрикивая что-то на языке, который я, как это ни странно, прекрасно понимала.

— Боже милостивый! Леди Айрис! — раздалось справа.

Я от неожиданности подскочила и чуть не упала, вовремя ухватившись за угол здания.

Ко мне подбежала девушка в простом сером платье и чепце. Ее лицо было искажено ужасом и облегчением одновременно.

— Миледи, где же вы были? Я вас обыскалась! Вы пропали в толпе на рынке, а я... — Она запнулась, увидев мое лицо. — Господи, что с вами случилось? У вас кровь!

Айрис? Миледи? Я Алина Орлова, и я была главным инженером по гидротехническим сооружениям в «АкваТехе». А Айрис... Как в той песне: «Кто такая Элис?», то есть Айрис?

— К-кто вы? — прохрипела я, и меня замутило еще сильнее.

— Я Энни, ваша служанка, миледи! — Девушка округлила глаза в ужасе, ее руки запорхали вокруг

меня с удвоенной силой. — Как же ж... Охо-хо! Ваше платье все в грязи, лицо в ссадинах...

— На меня напали, — прошептала я и все же согнулась пополам, опорожняющая желудок.

Закончив, вымученно прислонилась спиной к стене. Чтобы немного отвлечься от физических мук, перевела взор на свой наряд.

Темно-синее платье из шерсти, когда-то красивое, но теперь потертое и заштопанное в нескольких местах. Подол вымазан в той же грязи, в которой я лежала. На руках ссадины, словно я ползла по камням.

— Как напали? — наконец-то дошло до Энни. — Кто?!

— Я ничего не помню, — выдохнула я, едва ворочая языком.

— Ах, миледи! — Она помогла мне выпрямиться и, вынув из висевшей у нее на боку кожаной сумки какой-то бурдюк, приложила к моим губам. Вода была теплой со странным, неприятным привкусом, но сейчас мне было все равно — я жадно глотала живительную влагу, стремясь утолить жажду и прогнать рвотный вкус изо рта. — Надо скорее вернуться домой, промыть вам раны. Можно было бы пойти к местному лекарю, но, увы, денег на него у нас нет. Все до последнего медяка потратили на лекарственную настойку для его светлости и на ткань для леди Дарены. Придется идти на своих двоих, авось посчастливится, и по пути встретится кто-нибудь из крестьян и по доброте душевной подвезет нас до поместья.

Лекарственная настойка? Его светлость? Вопросы роились в голове, но я промолчала. Что бы ни происходило, мне нужно для начала выздороветь.

Энни бережно взяла меня под руку, и мы медленно тронулись по булыжной мостовой.

— Надо бы страже доложить, разбойничают посреди бела дня! Да где ж это видано?! — причитала она, никак не желая смолкнуть.

Мне же хотелось тишины и покоя. Но я прекрасно понимала, что новая знакомая — кладезь полезной информации. Поэтому не время себя жалеть, стоит внимательно изучить мою новую реальность. Раз уж попала, и это вроде как мой второй шанс, не стоит им пренебрегать.

Архитектура, одежда людей, даже запахи... Это точно не привычный мне XXI век.

— Энни, — осторожно начала я, — мы пришли в город за настойкой?

Служанка кивнула:

— Да. И за тканью для леди Дарены, вашей матушки. Она велела купить именно синий бархат для нового платья к осеннему балу у герцога. — Энни ткнула большим пальцем за спину, где покачивался заплечный мешок. — Еле нашла подходящий отрез по приемлемой цене. Торговец упирался, но я все же сбила цену на два медяка! А потом поняла, что вас рядом нет...

Матушка? Нет, мачеха. Мозг услужливо подкинул поправку. Откуда я это знаю?

Мы медленно брели по улицам, постепенно выбираясь из торговых кварталов. Дома становились ниже и реже, появились огороды и загоны для скота. Голова по-прежнему раскалывалась, а ноги заплетались все сильнее.

— Эй, мисс Энни! Леди Айрис! — окликнул нас хриплый голос.

На обочине дороги стояла телега, нагруженная клетками с курицами. Возле нее замер пожилой мужчина в потрепанной соломенной шляпе.

— Сэм! — обрадовалась Энни. — Не подбросишь нас до Эшворт-холла? С миледи приключилась беда в городе. — Она сделала страшные глаза и жестом показала, как меня тюкнули по голове.

Крестьянин нахмурился, разглядывая мое бледное лицо, засохшую кровь на одежде и волосах.

— Ишь, что деется! Ужо днем на людей кидаются! Забирайтесь живо! — Он подошел ко мне и помог сесть в телегу.

Я неловко устроилась на охалке соломы между клетками. Куры недовольно закудахтали, захлопали крыльями. Запах птичьего помета смешивался с ароматом сена. Вскоре телега дернулась и покачала, подпрыгивая на ухабах, а меня замутило еще сильнее. Перед глазами поплыли темные круги, звуки становились все тише...

— Миледи! Леди Айрис! Очнитесь же!

Чей-то встревоженный голос вырвал меня из блаженной темноты. Я с трудом разлепила веки, четкость зрения восстановилась через пару секунд, и я рассмотрела полное беспокойства курносое веснушчатое лицо, склонившееся надо мной. Воспоминания вернулись в тот же миг.

— Приехали, — донесся до нас скрипучий голос Сэма. — Бедная леди, вишь, как ее растрепало. Давай-ка я ее до самого крыльца донесу, не то, боюсь, упадет, так и не дойдя до дома.

Я же, сцепив зубы от боли, села.

Огляделась. Над нами возвышался трехэтажный особняк со множеством окон и башенками по углам. Когда-то это здание наверняка впечатляло го-

стей. Сейчас же вызывало лишь жалость: штукатурка во многих местах облупилась, обнажая грубую каменную кладку, ставни висели криво, а где-то их не было вовсе, некоторые окна были заколочены досками; на крыше во многих местах отсутствовала черепица, оставляя проплешины, сквозь которые, вероятно, протекала дождевая вода.

«Боже, да это же руины какие-то», — пронеслось в голове, пока Энни помогала мне спуститься на землю.

...☀️ ГЛАВА 2 ☀️...

НОВЫЙ ДОМ

Массивная дубовая дверь открылась со скрипом, который эхом прокатился по всему дому. Мы переступили порог, и я невольно поежилась. Внутри было странно холодно, несмотря на то, что снаружи вроде как лето.

Холл, должный производить приятное впечатление на гостей, встретил нас гнетущим запустением. Некогда роскошная лестница с резными перилами поднималась на второй этаж, но многие балясины отсутствовали, создавая зияющие проемы, словно выбитые зубы в улыбке. Обои на стенах выцвели и местами отклеились, обнажая голую штукатурку с пятнами сырости. Из мебели стояли лишь покосившаяся вешалка, два древних кресла напротив черного камина и старый сундук, служивший, судя по потертостям, скамьей.

— Миледи, пойдёмте, я вас в вашу комнату отведу, потом надо отдать отрез Гарете, затем в огороде прополоть да полить овощи, иначе нам не дадут ужин или еще чего похуже сделают, — бормотала под нос Энни, поддерживая меня за плечи.

Идти было тяжело, каждый шаг отдавался болью в груди. Я старалась дышать поверхностно, ибо глубокий вдох заставлял ребра неистово ныть от боли.

«Трещина, а может, и перелом», — мрачно диагностировала я, вспоминая курсы первой помощи.

— Ага! Явились, не запылились! Неужто купить отрез ткани занимает почти целый день?! — раздался визгливый голос, заставивший меня вздрогнуть. — Пока госпожа Дарена и мадам Лафорт отбыли к соседу с визитом вежливости, вы решили отдохнуть?

Из боковой двери выскочила дородная женщина в таком же сером платье, как у Энни, только еще более мешковатом, но без заплат и с накинутым поверх фартуком. Седые волосы выбились из-под грязного чепца, красное лицо блестело от пота, а маленькие глазки сверкали злобой. Она неслась на нас как разъяренный боров, размахивая пухлыми руками.

— Целый день вас нет! Господин Эшворт при смерти, ему нужна настойка, а вы прохлаждаетесь невесть где! — Женщина остановилась в шаге от нас, тяжело дыша. Ее взгляд скользнул по моему окровавленному, грязному платью, но вместо сочувствия в ее глазах мелькнуло лишь раздражение. — И что это за вид, леди Айрис? В грязи валялись? Срамота!

— На миледи напали! — выпалила Энни, смело заслоняя меня собой. — Какие-то разбойники среди бела дня приложили ее по голове, да так, что кровь пошла! Ей покой нужен, Гарета, не то придется लेकर звать, а это лишние траты, леди Дарена точно недовольна будет.

Женщина насупилась, запыхтела, переваривая услышанное. Ее глазки метались между моим окровавленным видом и Энни.

— Лекаря, говоришь? — фыркнула она. — Ладно уж, ступайте. Но чтоб через полчаса ты, Энни, на огороде была! Дел невпроворот, а рук всего ничего.

Двойную норму с тебя спрошу, коль леди работать не в состоянии.

«Интересно, — мрачно подумала я, пока Энни вела меня к лестнице. — Эта Гарета-галета обращается со мной без малейшего пиетета. Будто я не дочка хозяйина дома, а бесправная прислуга или даже рабыня».

Подъем на второй этаж дался с трудом. Я сцепила зубы, чтобы не застонать от боли. Энни терпеливо поддерживала меня, бормоча что-то успокаивающее. Наверху мы свернули направо и прошли по длинному коридору до самой дальней двери.

— Пришли, миледи. — Служанка толкнула створку, натужно скрипнувшую.

Я так и застыла с занесенной через порог ногой, не веря своим глазам. Это была не комната, а какая-то подсобка! Тесное пространство с покосившейся узкой кроватью или даже лавкой, шатким столиком и единственным стулом с треснутым сиденьем. В углу старый сундук. Но хуже всего было окно, в деревянной раме которого зияла щель шириной в палец.

— Энни, — медленно проговорила я, — это точно моя комната?

— Охо-хо, миледи, сильно ж вас приложило. Конечно, ваша. Вы пока прилягте, я сбегая за водой, надо вам кровь смыть, потом помогу переодеться. У меня, — она округлила глаза и вынула из кармана два яйца, — вот что есть, старик Сэм подарил, жаль ему вас стало. Выпейте их, силы вам нужны, чтобы поскорее оправиться. — И положила угощение на стол, после чего метнулась прочь, тихо прикрыв за собой дверь.

Я смотрела на эти светло-коричневые яйца и думала, что попала вовсе не во дворец, а в какую-то зад... в общем, куда-то, где прежней хозяйке тела жилось

ох как несладко! Надо расспросить Энни обо всем. Кто я, кто все эти люди и как я тут жила до того, как меня огрели по голове в том смрадном переулке.

Пить сырое яйцо вовсе не хотелось, но голод не тетка, потому, сев на лавку, накрытую истрепанным пледом, взяла подарок Сэма и, стукнув о край стола, махом проглотила содержимое.

Это было вкусно. Вопреки испытываемой брезгливости.

Стараясь не потревожить ноющие ребра и горящий огнем затылок, неловко прилегла боком, прикрыла веки, но задремать не успела — дверь скрипнула. Я распахнула глаза и посмотрела на Энни, деловито разложившую на столе какие-то тряпки и поставив небольшой деревянный тазик с водой.

— Сейчас, миледи, промою вам шишку. — Она подступила ко мне, я с ее помощью перевернулась на другой бок, лицом к стене, и замерла.

Энни аккуратно расплела мою косу... Вот же ж, когда-то в той, теперь такой далекой жизни я носила только коротко стриженные волосы, а здесь целая коса толщиной с руку. Из брюнетки ростом метр семьдесят восемь, я перенеслась в тело хрупкой светловолосой девушки под метр шестьдесят. Умеет жизнь удивлять. У кого-то там, наверху, весьма странное чувство юмора.

Пока пальцы помощницы осторожно промокали рану влажной тряпицей, я, чтобы отвлечься от боли, попыталась вспомнить все, что когда-либо читала о попаданках. Парочку таких книжек я все же осилила, когда делать было нечего.

Эх, знать бы, где упаду, соломку подстелила бы, перелопатила кучу литературы, чтобы быть готовой... А, собственно, к чему?

— Потерпите, миледи, самое страшное впереди, — вновь заговорила Энни и достала из кармана платья небольшую глиняную баночку.

Что может быть страшнее того, что со мной уже произошло? Но додумать не успела — Энни убрала пробку... и тут в мой нос буквально шибануло просто тошнотворным запахом! Настолько отвратительным, что на глазах проступили слезы. Меня замутило, недавно выпитые яйца попросились наружу.

— Что это за гадость? — простонала я, зажав нос рукой.

— Целебная мазь, миледи. Сама варю по рецепту моей матушки, царствие ей небесное. А она училась у самой Одноглазой Боу, лучшей знахарки в той деревушке, где я когда-то жила. Ее все считали ведьмой, — понизив голос, шепнула она, — полагаю, так оно и было.

— Одноглазая Боу? — переспросила я, морщась от вони.

— Ага. Говорили, в молодости красавицей была, да муж-пьяница выбил ей глаз кочергой. Люди ее побаивались, но лечила — дай бог каждому. Моя матушка к ней на учение ходила, пока меня в животе носила.

Энни зачерпнула мазь двумя пальцами и начала втирать в садину. Рана от такого прикосновения заныла пуще прежнего, перед глазами все поплыло, но, как ни странно, вскоре пульсация в затылке притупилась, а кожу будто лизнуло холодком.

— Вот... так-то лучше, — удовлетворенно кивнула служанка. Или все же ее можно считать подругой? — К утру заживет как на собаке. Эта мазь творит чудеса, хоть и воняет, как падаль, первые пару часов. Потом выветривается. Ну, почти полностью.

Не сильно она меня успокоила.